

О МИРОВОМЪ ЗЛѢ И О СПАСАЮЩЕЙ ЦЕРКВИ

(По поводу статьи Н. А. Бердяева «О христіанскомъ пессимизмѣ и оптимизмѣ» въ № 46 «Пути» (*).

Я очень радъ, что своимъ письмомъ подалъ поводъ Н. А. Бердяеву еще разъ и съ новыми подробностями высказаться по такимъ глубокимъ и важнымъ вопросамъ христіанскаго міросозерцанія, какъ вопросы о сущности и источникѣ міроваго зла, и о Церкви, о цѣли Ея существованія въ мірѣ. И, кромѣ того, я очень благодаренъ Н. А. Бердяеву за то, что онъ съ такимъ вниманіемъ отнесся къ моему письму, и посвятилъ отвѣту на него большую и интересную статью.

Это даетъ мнѣ смѣлость продолжить мое собственное собесѣдованіе съ Н. А. и попросить у него дальнѣйшихъ разъясненій, въ надеждѣ, что эти разъясненія будутъ полезны и интересны не для меня одного, но и для другихъ читателей «Пу-

*) Настоящая моя замѣтка, какъ и предварительное письмо къ Н. А. Бердяеву вызваны не только интересомъ къ книгѣ «Судьба человѣка въ современномъ мірѣ» и заключающимся въ ней мыслямъ, но и другими, практическими соображеніями. Мнѣ, какъ священнику, крѣдико приходится встрѣчаться и разговаривать съ людьми, совершенно подавленными существующимъ въ мірѣ зломъ, потерявшими вѣру въ силу добра и правды, въ самое существованіе Бога любви и справедливости, дошедшими до полной безнадежности и отчаянія, до утраты всякаго желанія жить. Мнѣ постоянно приходится ободрять такихъ людей, разубѣждать ихъ, доказывать имъ силу и несокрушимость добра, его преобладающее значеніе въ мірѣ. Задача эта нелегкая, такъ какъ наталкиваешься на непреодолимую упогную стѣну убѣжденнаго безпросвѣтнаго пессимизма. Такимъ людямъ недостаточно вообще говорить о Богѣ, но имъ надо сказать Его дѣйствіе въ мірѣ, наглядное и несомнѣнное. Это достигается гряде всего указаніемъ на Господа Иисуса Христа и Его Евангеліе, какъ на несомнѣнное очевидное явленіе любви Божіей въ мірѣ. Но это-

ти». При этомъ я долженъ оговориться, что не будучи ни философомъ, ни богословомъ, я не веду ни философской, ни богословской полемики съ Н. А. Бердяевымъ.

Я просто обыкновенный, вѣрующій христіанинъ, ищущій найти въ спокойномъ и гружественномъ обмѣнѣ мыслей—разъясненіе возникающихъ у меня недоумѣній, можетъ быть, съ богословской или философской точки зрѣнія и не заслуживающихъ особаго вниманія, но для меня очень существенныхъ и важныхъ.

Статья Н. А. Бердяева «О христіанскомъ пессимизмѣ и оптимизмѣ» не дала отвѣта на мой основной вопросъ, поставленный ему — продолжается ли и донинѣ на землѣ дѣло Христова, преодоленіе мірового зла, и если продолжается, то гдѣ и черезъ кого оно совершается.

Но все же она дала мнѣ нѣкоторое удовлетвореніе. Я нашелъ въ ней слова, которыя доставили мнѣ большое удовлетвореніе. Слова эти слѣдующія:

«У меня есть очень сильное и мучительное чувство зла жизни, горькой участи человѣка, *но еще сильнѣе у меня въра въ высшій смыслъ жизни*» (Курсивъ мой).

«Меня поразило, что у о. С. Четверикова осталось такое впечатленіе отъ моей книжки, какъ будто Богъ не дѣйствуетъ въ исторіи, Богъ покинулъ міръ. *Въ дѣйствительности все, что я говорю въ своей книгѣ, не имѣетъ смысла, если нѣтъ дѣйствія Бога въ исторіи*» (Курсивъ мой).

«Человѣкъ поставленъ передъ бездной бытія или небытія. И онъ не можетъ овладѣть этой бездной *лишь своими собствен-*

го не достаточно. Иисусъ Христосъ жилъ на землѣ почти 2000 лѣтъ тому назадъ. Для многихъ это почти забытый, а можетъ быть и сомнительный фактъ далекаго прошлаго, не имѣющій отношенія къ современной дѣйствительности.

Имъ надо показать, что дѣло Христово не прекратилось на землѣ, что Богъ и нынѣ дѣйствуетъ въ мірѣ, и лучшимъ, наиболее нагляднымъ и осязательнымъ подтвержденіемъ этого является существованіе на землѣ Христовой Церкви съ Ея благодатными дарами Св. Духа, воспринимаемыми нами въ храмахъ, въ молитвѣ и особенно въ таинствахъ покаянія и причащенія св. Таинъ. Такимъ путемъ черезъ Церковь человѣкъ и нынѣ можетъ входить въ такое же непосредственное и тѣсное общеніе съ Господомъ Иисусомъ Христомъ, въ какомъ находились апостолы и другіе современники Христа. Черезъ Церковь можно познать живое присутствіе въ мірѣ Бога и почувствовать подъ собою твердую почву увѣренности въ Его близости къ намъ и въ Его помощи.

Вотъ то жизненное соображеніе, которое побуждаетъ меня напоминать о спасающей Церкви Христовой, какъ несокрушимой силѣ Божіей, существующей на землѣ среди насъ.

ными силами, онъ нуждается въ помощи свыше. Это есть дѣло богочеловѣческое. И если въ нашу эпоху подвергается опасности самое существованіе человѣческаго образа, если человѣкъ разлагается, то именно потому, что онъ возложился исключительно на себя и на свои силы».

«Человекъ проходитъ сейчасъ, можетъ быть, самый опасный періодъ своего существованія» (Курсивъ мой).

Всѣ эти слова я прочиталъ съ большимъ удовлетвореніемъ. Они вполне отвѣчаютъ моимъ собственнымъ мыслямъ. Они утверждаютъ ту истину, что на землѣ дѣйствительно существуетъ помощь Божія людямъ въ борьбѣ со зломъ. И мнѣ казалось, что прямымъ и необходимымъ выводомъ изъ этихъ словъ должно было бы явиться заключеніе, что эта помощь въ организованномъ видѣ сосредотачивается въ Христіанской Церкви. Это ясно видно изъ словъ Христа Спасителя.

Въ своей послѣдней молитвѣ объ ученикахъ, передъ своими страданіями, Иисусъ Христосъ говоритъ: «Когда Я былъ съ ними въ мірѣ, Я соблюдалъ ихъ во имя Твое. Тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, Я сохранилъ. Нынѣ же къ Тебѣ иду, и сіе говорю въ мірѣ, чтобы они имѣли радость Мою совершенную... Не молю, чтобы Ты взялъ ихъ изъ міра, но чтобы сохранилъ ихъ отъ зла» (Іоанна XVII. 12-15).

Изъ этихъ словъ видно, что оставляя своихъ учениковъ, Иисусъ Христосъ подаетъ имъ радостную надежду, что и безъ Его видимаго пребыванія съ ними они будутъ сохранены отъ зла. А также будутъ сохранены отъ зла и вѣрующіе по слову ихъ.

Орудіемъ этого спасенія является Христова Церковь. Если бы Н. А. Бердяевъ въ своей книгѣ, или хотя бы въ своемъ отвѣтѣ мнѣ, отмѣтилъ это значеніе Церкви Христовой — не было бы повода дѣлать ему упрека въ одностороннемъ и безысходномъ пессимизмѣ.

Но онъ этого не сдѣлалъ и вопросъ о средствахъ спасенія отъ зла и о помощи Божіей людямъ въ этомъ спасеніи остался невыясненнымъ до конца, и въ этомъ я видѣлъ и вижу недостатокъ и неполноту очень интересной книги Н. А.

Въ своей статьѣ «О христіанскомъ пессимизмѣ и оптимизмѣ» Н. А. Бердяевъ много говоритъ о Церкви, но то, что онъ говоритъ о Ней, вызываетъ только новыя и еще большія недоумѣнія. Мнимыя или дѣйствительныя ошибки или погрѣшности историческихъ Церквей до такой степени заполняютъ вниманіе Н. А., что онъ за этими погрѣшностями перестаетъ видѣть въ мірѣ подлинную дѣятельность и подлинное значеніе Христовой Церкви. Сужденія его о Церкви становятся пристрастными и несправедливыми. А между тѣмъ въ его статьѣ имѣется и правильное опредѣленіе Церкви, но онъ дѣлаетъ

его какъ то мимоходомъ и на немъ не останавливается. Опре-
дѣленіе это слѣдующее:

«Церковь есть мистическое Тѣло Христово, духовный ор-
ганизмъ, какъ бы продолжающееся Боговоплощеніе». Изъ
этого опредѣленія Церкви Н. А. не сдѣлалъ никакого конкрет-
наго заключенія, не объяснилъ, какой же смыслъ и какой ре-
зультатъ этого «продолжающагося Боговоплощенія».

Въ своей оцѣнкѣ Церкви Н. А. Бердяевъ предоставляетъ
въ извращенномъ и невѣрномъ видѣ всѣ Ея свойства и дѣй-
ствія. Онъ, напримѣръ, приписываетъ Церкви «гладкое, бла-
гополучное, благодушное, безтрагичное пониманіе христіанства»,
«дѣленіе міра на спасающихся въ оградѣ Церкви, гдѣ все бла-
гополучно, радостно, и свѣтло, и на погибающихъ въ мірѣ,
гдѣ все неблагополучно, мучительно и темно». Въ этихъ сло-
вахъ есть и правда, но правда невѣрно представленная. Ко-
нечно, тамъ, гдѣ пребываетъ Христосъ, гдѣ дѣйствуютъ бла-
годатныя дарованія Св. Духа, т. е. въ Церкви Христовой,
тамъ «все радостно, свѣтло и благополучно», но можно ли ви-
дѣть въ этомъ несоотвѣтствіе духа Церкви духу Евангелія,
какъ онъ утверждаетъ? Не въ этомъ ли свойствѣ Церкви за-
ключается ея привлекательность и спасительность для изму-
ченныхъ и страдающихъ въ мірѣ душъ? И съ другой стороны,
въ Христовой Церкви, въ отчужденіи отъ Христа — все,
естественно, становится «неблагополучнымъ, мучительнымъ,
темнымъ»...

И странно было бы, если бы было иначе. Далѣе Н. А. Бер-
дяевъ, продолжая невѣрное освѣщеніе Церкви, пишетъ: «Слѣ-
дованіе пути Христа ведетъ къ тому, что мы будемъ съ мытаря-
ми и блудницами, съ погибающими въ мірѣ, и корчащимися
въ мукахъ. Трудно понять, какъ можно спокойно и благопо-
лучно чувствовать себя спасающимися въ оградѣ Церкви и
не раздѣлять страшной скорби и муки міра. Всегда подстере-
гаетъ опасность фарисейскаго самодовольства.» Въ этихъ
словахъ Н. А. Бердяева опять все крайне перепутано. Изъ
Евангелія мы знаемъ, что мытари и блудницы (кающіяся)
идутъ впереди фарисеевъ въ Царствіе Божіе, что мытарь оправ-
дывается болѣе фарисея, что Закхей удостоился принять въ
домъ свой Господа. Тоже самое говоритъ и Церковь. Изъ это-
го и видно, что мытари и блудницы (кающіяся), они то именно
и находятся въ оградѣ Церкви, а о самодовольныхъ фарисеяхъ
сказано, что они «извергнуты будутъ вонъ». Н. А. Бердяевъ
совершенно произвольно и невѣрно исключаетъ мытарей и
блудницъ (кающихся) изъ ограды Церкви, а самодовольныхъ
фарисеевъ включаетъ въ нее. Это не соотвѣтствуетъ ни уче-
нію Евангелія, ни ученію Церкви.

Особенно неудачно ссылается Н. А. Бердяевъ на притчу

о «Блудномъ сынѣ», приводя странное толкованіе Андре Жида. Блудный сынъ ушелъ изъ отчого дома совсѣмъ не въ поискахъ «истины и правды». Онъ ушелъ для того, чтобы пользуясь полученною частью имѣнія, жить блудно, въ свое удовольствіе. И если онъ «страдалъ», то въ этомъ его страданіи не было ничего доблестнаго, онъ страдалъ отъ того, что, расточивъ свое имѣніе, сталъ терпѣть лишеніе во всемъ, вынужденъ былъ сдѣлаться свинопасомъ и питаться пищею свиней. И только тогда онъ «пришелъ въ себя», покаялся, и рѣшилъ вернуться къ отцу своему. И это возвращеніе къ отцу, въ отчій домъ, т.-е. въ Церковь, принесло ему внутреннее удовлетвореніе и дало ему постоянную радость. Тѣхъ же, кто уходитъ изъ отчого дома, изъ Церкви, въ поискахъ «истины и правды», кто даже является, подобно Іову «богоборцемъ», тѣхъ Богъ не отвергаетъ, какъ это видно изъ примѣра того же Іова. Въ своемъ письмѣ я не утверждалъ, что «участіе любящаго Бога въ человѣческой жизни относится лишь къ находящимся въ оградѣ Церкви». У меня была другая мысль, что самое существованіе Церкви въ мірѣ говоритъ о любви Божіей къ міру, такъ какъ на Церковь возложена миссія просвѣщать міръ истиною и освящать міръ благодатію Божіей. Я писалъ въ своемъ письмѣ: «Иисусъ Христосъ основалъ на землѣ свою Церковь, какъ силу и правду Божію, которую не одолѣютъ «врата адовы» и которая навсегда пребудетъ «столпомъ и утвержденіемъ истины». Церковь не отмежовывается отъ міра, предоставляя злымъ «корчиться» въ мукахъ, «чего они и заслуживаютъ», и собирая «добрыхъ» въ ограду Церкви, «гдѣ они испытываютъ удовлетвореніе». У Церкви иной подходъ къ міру. Вѣдь самая большая часть скорбей, мученій и страданій въ мірѣ зависитъ, можетъ быть, именно отъ того, что міръ отошелъ отъ Христа, забылъ о Немъ. И на обязанности Церкви лежитъ итти въ міръ, говорить ему о Христѣ, привлекать его ко Христу, и тѣмъ спасать его отъ переживаемыхъ имъ страданій и мученій. И потому неправильна мысль Н. А. Бердяева, что вниманіе христіанъ къ покинувшимъ отчій домъ и переживающимъ «агонію міра», не можетъ заключаться въ усиліяхъ обратить ихъ въ христіанство и вернуть въ Церковь. Многіе именно въ этомъ больше всего и нуждаются. Если Иисусъ Христосъ, Глава Церкви, принялъ на себя грѣхи и скорби міра, и страдалъ ими, то и Церковь, Тѣло Христово, (а таковымъ ее признаетъ и Н. А. Бердяевъ) не можетъ по иному относиться къ скорбямъ и страданіямъ міра. Въ призывѣ къ покаянію и въ благодатномъ возстановленіи душъ человѣческихъ заключается миссія Церкви, каковую она и выполняетъ.

И если Н. А. Бердяевъ это оспариваетъ и осуждаетъ Церковь, то я думаю только потому, что истинныя или мнимыя

погрѣшности видимой Церкви мѣшаютъ ему видѣть подлинную сущность Церкви и ея спасительное дѣйствіе въ мірѣ. Подъ внѣшними формами Церкви онъ не видитъ ея таинственной сущности. Это именно мнѣ и хотѣлось отмѣтить, какъ въ своемъ письмѣ, такъ и въ настоящей замѣткѣ.

Въ заключеніе этой замѣтки я хочу сказать еще нѣсколько словъ по поводу объясненія Н. А. Бердяевымъ источника зла въ мірѣ. Въ этомъ объясненіи для меня, какъ не философа, много непонятнаго. Н. А. говоритъ о «внѣ-бытійственной и несотворенной свободѣ», которую онъ и считаетъ источникомъ зла. Что такое эта «внѣбытійственная и несотворенная свобода»? Это область, на которую не распространяется всемогущество Божіе. Это есть нѣчто, существующее внѣ Бога, рядомъ съ Богомъ, отъ него независящее и Ему неподчиненное. Получается дуализмъ, двойственное начало жизни, отрицаніе Единого Бога. Богъ, какъ Творецъ и Вседержитель міра, признается, но рядомъ съ созданнымъ Имъ міромъ и Имъ самимъ признается и нѣкоторое другое, Имъ несотворенное, начало. Христіанская мысль не мирится съ такимъ ученіемъ. Она признаетъ единое начало всего существующаго и это единое начало есть Богъ. Никакого другого начала, существующаго рядомъ съ Богомъ, и не отъ Него получившаго свое существованіе, свою жизнь, христіанская мысль не признаетъ. Объясняя свой взглядъ, Н. А. Бердяевъ говоритъ: «Трудно примириться съ тѣмъ, что Богъ дѣлается отвѣтственнымъ за зло. Все въ рукѣ Божіей, всюду дѣйствуетъ Богъ, Богъ пользуется зломъ для цѣлей добра, никто и ничто не имѣетъ свободы въ отношеніи къ Богу. Отсюда Кальвинъ сдѣлалъ послѣдовательный и радикальный выводъ въ ученіи о предопредѣленіи. Дѣйствуетъ ли Богъ и въ злѣ и черезъ зло? Если да, то отвѣтственность за зло и страданіе міра возлагается на Бога. Если нѣтъ, то существуетъ свобода отъ Бога и по отношенію къ Богу, что ограничиваетъ единовластительство Божіе, дѣлаетъ Бога какъ бы безсильнымъ (я понимаю всю ограниченность употребляемаго тутъ языка) по отношенію къ свободѣ зла... Большая часть теодицей, отъ блаженнаго Августина до Лейбница, не только не удовлетворительны, но и прямо оскорбительны для Бога и для человѣка. Можно, конечно, стать на чисто агностическую точку зрѣнія и признать, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ предѣльной тайной, которую невозможно рационально постигнуть. Эта точка зрѣнія лучше, чѣмъ рациональная теодицея, но въ богословіи и метафизикѣ она никогда не выдерживалась до конца и всегда въ концѣ концовъ строились теоріи, оскорбительныя для чуткой совѣсти. Многіе учителя Церкви, какъ извѣстно, учили, что зло есть небытіе. Но додумавъ это до конца, приходится допустить, что источники

зла лежатъ внѣ бытія, на которое распространяется всемогущество Божіе, т. е. внѣ-бытійственной и несотворенной свободѣ (Курсивъ мой). Это есть лишь философская интерпретація и философское выраженіе предѣльной тайны, связанной со свободой и зломъ».

Послѣднія слова, повидимому, показываютъ, что заключеніе о «внѣбытійственной, несотворенной свободѣ», нужно понимать только, какъ одно изъ предположеній, объясняющихъ источникъ зла. Для чего же понадобилось такое предположеніе? Для того, чтобы отвѣтственность за существующее въ мірѣ зло не падала на Творца міра, Бога. Н. А. Бердяевъ полагаетъ, что если источникомъ зла является злоупотребленіе сотворенными Богомъ существами дарованною имъ отъ Бога свободою, то отвѣтственность за это зло неизбѣжно падаетъ на того, кто даровалъ свободу созданнымъ Имъ существамъ, т. е. на Бога. Чтобы избѣжать этого заключенія, онъ и допускаетъ существованіе нѣкоей, независящей отъ Бога, внѣбытійственной, несотворенной свободы, которая по его мнѣнію, и является источникомъ зла въ сотворенномъ Богомъ мірѣ. Мнѣ не представляется справедливымъ мнѣніе объ отвѣтственности Бога за злоупотребленіе дарованною свободою созданными Богомъ существами. Если бы свобода была имъ дарована *только* для совершенія зла, тогда, дѣйствительно, отвѣтственность за сдѣланное ими зло падала бы на Того, кто далъ имъ эту свободу дѣлать зло. Но вѣдь съ такимъ же, даже съ большимъ основаніемъ можно утверждать обратное, что свобода была дарована созданнымъ Богомъ существамъ для того, чтобы они могли свободно и добровольно дѣлать добро, и, если они предпочли дѣлать зло, то эта свобода *выбора* зависитъ уже не отъ Того, кто далъ имъ свободу, а отъ ихъ собственнаго усмотрѣнія и рѣшенія. Они получили свободу для добра, а употребили ее для зла. Отвѣтственность за этотъ выборъ падаетъ уже не на Бога, а на нихъ, ибо они сдѣлали этотъ выборъ *свободно*, а не по принужденію Божію.

Съ другой стороны, предположеніе Н. А. Бердяева о «несотворенной свободѣ», хотя, повидимому и снимаетъ съ Бога отвѣтственность за существующее въ мірѣ зло, и переноситъ эту отвѣтственность на «несотворенную» свободу, но и это *только повидимому*.

Вѣдь творцомъ міра и виновникомъ его бытія и по мнѣнію Н. А. Бердяева является Богъ. Создавая міръ и живущія въ немъ существа Богъ или не зналъ, или зналъ о томъ, что эти существа получаютъ свою свободу изъ нѣкихъ таинственныхъ нѣдръ «внѣбытійственной свободы». Если Богъ не зналъ этого, то этимъ ограничивается уже не одно только всемогущество, но и всевѣденіе Божіе. А если зналъ, и сотворилъ міръ и

живущія въ немъ существа, то Онъ не освобождается отъ отвѣтственности, если не за то, что одарилъ сотворенныя Имъ существа свободою, то за то, что сотворилъ ихъ, зная, что они получаютъ откуда то извнѣ свободу для дѣланія зла. Вина за существующее въ мѣрѣ зло все таки остается на Богѣ, хотя и не Онъ является источникомъ этого зла. Далѣе если мы допустимъ, вмѣстѣ съ Н. А. Бердяевымъ, что источникомъ мирового зла является независимая отъ Бога «внѣбытійственная, несотворенная свобода» то мы оказываемся передъ ужаснымъ фактомъ существованія въ мѣрѣ непреодолимой для Бога и независимой отъ Него мрачной силы зла, имѣющей постоянную возможность осквернить и даже разрушать дѣло Божіе въ мѣрѣ, созиданіе добра, правды, святости. Съ христіанской точки совершенно недопустимо такое безсиліе Божіе передъ силой зла. Богъ есть абсолютное и всемогущее добро и нѣтъ такой злой силы въ мѣрѣ, которая могла бы противодѣйствовать Ему и противопоставлять себя Ему и быть Имъ непреодолимой.

Но почему же въ такомъ случаѣ Богъ допускаетъ существованіе зла въ мѣрѣ? Почему Онъ его терпитъ? Почему Онъ позволяетъ злу торжествовать? Потому что Богъ, обладая всемогуществомъ и властью, которыя не могутъ быть ограничены ничѣмъ внѣ Бога существующимъ, добровольно ограничиваетъ свое всемогущество и свою власть, допуская рядомъ съ собою сотворенныхъ Имъ существъ, одаренныхъ Имъ свободою.

Свобода, въ которой заключаются одна изъ основныхъ чертъ образа Божія въ созданныхъ Богомъ разумныхъ существахъ, и ихъ высшее благо, дана имъ была не для зла, но для свободнаго дѣланія добра и въ этомъ заключается ихъ высшее совершенство. Этой дарованной тварямъ свободы Богъ не отнимаетъ у нихъ даже тогда, когда онѣ обращаютъ ее на зло и противъ Бога. Причина долготерпѣнія Божія заключается въ томъ, что «Богъ хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прійти». И это подтверждается притчею о пшеницѣ и плевеллахъ.

Я изложилъ, какъ сумѣлъ, тѣ недоумѣнія и тѣ мысли, какія вызвала во мнѣ статья Н. А. Бердяева «О христіанскомъ пессимизмѣ и оптимизмѣ». Могу прибавить еще одно: Я понимаю и принимаю тотъ трагизмъ жизни, о которомъ пишетъ Н. А. Бердяевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я радуюсь тому, что въ нашемъ мѣрѣ есть мѣсто, гдѣ я встрѣчаюсь съ Богомъ, гдѣ я чувствую твердую почву подъ собою. Это мѣсто — есть Христова Церковь «столпъ и утвержденіе истины». Въ ней я не отмежевываюсь отъ страданій міра и не замыкаюсь въ кругъ благодушно-спасающихся, но получаю помощь и силу для преодоленія страданій и зла жизни или для терпѣливаго ихъ переносенія.

Очень хорошо сказалъ Н. А. Бердяевъ: «Выходъ изъ зла въ страданіяхъ самаго Бога, т. е. Христа, не въ Богъ Вседержитель, а въ Богъ Искупитель, Богъ жертвенной любви. Я думаю, что въ этомъ сущность христіанства». Эту истину о Богъ Искупитель, преодолевающимъ зло міра своей жертвенной любовью, исповѣдуетъ и Церковь, которая будучи Тѣломъ Христовымъ, участвуетъ въ этомъ жертвенномъ подвигѣ и обязываетъ къ нему всѣхъ своихъ вѣрныхъ членовъ.

Но это послѣднее — уже область не теоріи, а практики христіанства.

Протоіерей *Сергій Четвериковъ*.

18. V 1935
Парижъ.